

Анатолий Пилихин

ВСПОМИНАЯ ДНИ ВОЙНЫ

Подчиняясь приказу московских властей об эвакуации женщин с малолетними детьми, мама вывезла нас с полугодичной сестренкой Лидой в город Зарайск к своей родительнице и старшей сестре в конце июля 1941 года. В столице мы жили на Зубовской улице в доме № 6, в девятнадцатиметровой комнате вместе с чужой семьей, также имевшей двух детей, дошкольного возраста.

Наш двухэтажный деревянный дом с пристроенными к нему двумя строениями и флигель поодаль имели общий двор с туалетом на шесть персон. Вдоль кирпичной стены, отделявшей двор от детской поликлиники, тянулся длинный ряд сараев.

В них из-за тесноты в коммуналках летом спали любители свежего воздуха. В палисадниках по вечерам звучали патефон или гармошка. За столиками у самоваров соседи и родные пили чай, играли в лото, карты и шашки.

В 1935 году во время первомайской демонстрации трудящихся у туалета какой-то демонстрант забыл портрет Сергея Мироновича Кирова. Мой отец, служащий административно-хозяйственного отдела Первого авиационного завода, с образованием 3 класса начальной сельской школы и дядя Яша Бадаев, рабочий карандашной фабрики, с благими намерениями отнесли изображение убитого вождя от отхожего места в сарай, где, отпилив ручку, повесили его над кроватью «Карандаша», так любовно звали дядю Яшу соседи. Спустя полчаса к уборной прибежали два встревоженных демонст-

ранта и, не обнаружив портрета, удалились на улицу. Вечером участковый милиционер безуспешно выведывал у жильцов о пропаже, с политическим подтекстом.

21 июня 1941 года отцу выдали ордер на комнату в ведомственном доме на Старой Башиловке. На следующий день, в воскресенье, родители собирались посмотреть новую жилплощадь, как вдруг отцу из райвоенкомата принесли повестку, а в 12 часов по Всесоюзному радио объявили о начале войны с Германией...

Я щелкал кнутиком возле мамы, полоскавшей бельё, когда на берегу Осетра, протекающего у Зарайска, остановилось большое стадо крупного и мелкого рогатого скота, перегоняемого из Смоленской области к Рязани. Пастухи зазывали женщин подоить беспрестанно мычащих коров. У некоторых животных в пути посбивались копыта и их переход закончился на зарайской бойне... Приведенной мною бабушке за дойку коров налили ведро молока.

15 августа и 15 сентября мы с мамой приезжали в Москву и жили в ней по два или три дня на Зубовской улице. Вечерами и ночами при воздушных тревогах мы бегали в ближайшее от нас бомбоубежище Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института имени Серго Орджоникидзе (Зубовская улица, 7). Разбуженный и одетый мамой, я ощущал холод, и у меня стучали зубы. Вероятно мне, семилетнему мальчику передавалось волнение от взрослых, в темноте торопливо покидавших свои жилища. В одну из повторных тревог мы остались дома и наблюдали на огромном экране неба за перемещением бомбардировщиков, истребителей, лучей прожекторов и трассирующих пуль. 19 октября мы снова навещали моего отца, находившегося на казарменном положении при штабе местной противовоздушной обороны Первого авиационного завода, и увидели, что во дворе нашего нового дома на Старой Башиловке бомба разнесла на куски кирпичный двухэтажный детский сад, а неподалеку, у ресторана «Яр», другая бомба превратила в щепки пару деревянных построек и вырвала угол у здания средней школы № 155.

Ввиду приближения войск противника, а Зарайск находится в 150 километрах юго-восточнее Москвы, в нём начали готовиться к обороне и к налетам вражеской бомбардировочной авиации. 13 августа у нас в огороде для укрытия жильцов трех соседних домов «хозяйственным способом» выкопали длинную «щель» и накрыли её бревнами и землей. Как-то в городе проводилась учебная воздушная тревога, и нас, босоногих мальчишек, смотревших как рюк

ямы вокруг почты для её минирования, препроводили в складское подвальное помещение у клуба обувной фабрики. В бомбоубежище нас и взрослых просвещали, как действовать при бомбёжках. На подступах к Зарайску минировались прилегающие к дорогам поля. В старинном кремле у бойниц появились мешки с песком.

В начале октября Зарайск раза два-три бомбили. Вот как об одной бомбежке рассказывала учительница начальной школы в деревне Радушно Евдокия Ильинична Рогова (в замужестве Боровикова): «Я направлялась в районный отдел народного образования, он помещался в здании Районного Исполнительного Комитета (РИК) в Зарайске. В нем нам в связи с тем, что немецкая разведка действовала в нескольких километрах от города, заработную плату в тот день выдавали за два месяца вперед. Неожиданно послышались сигналы воздушной тревоги, и я бросилась в подъезд РИКа, где уже было много людей. От взрывной волны бомбы, упавшей на склад фабрики «Перопух», внутрь РИКа полетели осколки оконных стекол и порезали лица и руки у нескольких человек, стоявших на широкой лестнице. В этот момент секретарь исполкома товарищ Кривушин предложил всем идти во двор и там укрыться в траншее. В неё мы скатились, словно по снежной горке, и перепачкались глиной. Вскоре объявили отбой, и кассирша Тамара Узелкова, вспомнив про оставленный в открытой комнате мешок полный денег, принялась громко кричать: «Ой, мои деньги. Ой, что будет? Ой, мои деньги», – и побежала к своему рабочему месту. У подъезда её успокоил дежурный милиционер, сказав, что деньги целы».

В одну из сентябрьских ночей немецкий самолет-разведчик повесил па парашюте над центром города мощную осветительную ракету для аэрофотосъемок. Покрытые сусальным золотом купола Никольского храма в Кремле как бы посеребрились. Потом их зачехлили брезентом.

Когда самолет-разведчик улетал в сторону деревни Карманово, кто-то на окраине города пальнул в него из охотничьего ружья. В ответ пилот сбросил небольшую бомбу, от её разрыва с земли поднялся багровый воздушный конус с округлым основанием, устремленный в небесную тьму.

27 ноября 1941 года маме выдали продовольственные карточки по декабрь месяц. Но уже 28 числа нашим соседям Трундаевым, имевшим четверых детей, получить карточки не удалось. Марии Ивановне Трундаевой в домоуправлении довелось услышать от одной женщины горькую фразу: «Нас теперь немец накормит». В те

дни дети получали по 400 граммов хлеба в день, иждивенцы – 350 граммов, а рабочие — от 600 до 800 граммов.

Наивная наша бабушка прятала на дно сундука снятые со стены фотокарточки своих сыновей в застекленных рамках. Один из них сержант, второй лейтенант — находились на фронте. Воевали и её старший сын и внук. Из сообщений «живых газет» ей стало известно, что от оккупантов, если им донесут соседи, семьям командиров Красной Армии не поздоровится. Слышала бабушка и о виденной кем-то германской листовке с портретами Сталина, поющего под свою шарманку «Последний нынешний денёчек...» и Гитлера, распевającego за роялем «Широка страна моя родная...»

В первых числах декабря мама нас с сестрёнкой перевезла в деревню Кобылье. На санях из Зарайска мы выехали днём часа в два. Падал снег. Заметив в сумерках знакомое мне Кобылье, я на радостях принялся декламировать «Вот моя деревня... Вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой...» и на повороте вывалился в сугроб. Поднимаясь на ноги, я наступил на что-то твердое в снегу. Оказалось, что это буханка чёрного хлеба, рядом с ней лежало ещё пять штук. Перед нами по большаку для прибывающего в Кобылье воинского отряда, с тремя танками и пушками на конной тяге, хлеб доставлялся с зарайского хлебозавода.

Примерно через час после нашего приезда в дом мамино дяди, Андрея Васильевича Герасимова, в него зашли на ночлег четыре красноармейца в шинелях. На ногах у них были обмотки и башмаки. Один из них с бледно-зеленоватым лицом мучился от боли в животе. Тётя Маша тут же зарубила гуся и принялась готовить войнам лапшу. Тем временем три бойца спилили в саду раскулаченных Митюшиных засохшие яблони и нарубили дров. Накормленным солдатам дедушка Андрей поведал о том, как он в Империалистическую войну отведал газов и побывал в германском плену. Говорил он и о том, как первым в деревне из привезенных им немецких семян стал выращивать помидоры, дотоле неизвестные крестьянам всей округи. Когда бойцы вместе с дедушкой Андреем вышли на улицу покурить, в избу вошли лейтенант в белом полушубке и в валенках и старшина. Уверенно пройдя к столу, освещенному керосиновой лампой, они поздоровались. Тётя Маша, стоя с рогачом в руке, слегка поклонилась и предложила им раздеться. Офицер же подсел к моей маме и, вынув из планшета карту, стал что-то у неё спрашивать. В эту минуту лежавший на печке красноармеец закашлял, и лейтенант, подойдя к нему, велел ему покинуть избу. Тут тётя Маша засту-

пилась за больного и, взяв полотенце, принялась грозить гостю: «Я пойду к комиссару вашей части и скажу ему, как ты выгоняешь на мороз хворого солдата». От такого смелого, нежданного наскока хозяйки лейтенант подался к двери и вышел в сени. За ним с фляжкой в руке последовал и старшина. Вослед ему неслось: «Я сама была солдаткой...»

Примерно через полгода мы с мамой в поезде повстречали безногого мужчину па костылях, который ночевал с другими бойцами в избе Герасимовых по пути на город Михайлов. От него мы узнали, что в первом же бою его ранило в ногу, а его товарищ-язвенник погиб.

И в 1942 году мама ежемесячно ездила к отцу в Москву и всегда брала меня с собою. Из Зарайска поезд с паровозом «Овечка» по однокорейке с рельсами, изготовленными в 1895 году, до Луховиц шёл ровно два часа, со скоростью 13 километров в час. В одном из четырёх или пяти пассажирских вагонов на скамейках у выхода в тамбур иногда перевозили осужденных из зарайской тюрьмы, находившейся в церковном строении. В городе купцов, промышленников и огородников к 1939 году разграбились или исчезли с лица земли восемь церквей и купеческое кладбище. Впрочем, по рассказам старожилов канули в Лету и три публичных дома для клиентов разных сословий. В лучшем из них, на Облупе, сексуальных утех искали и деловые люди, приезжавшие в Зарайск заключать торгово-производственные сделки, и состоятельные дачники...

Зимой в ожидании рабочего поезда, идущего в Москву, мы с мамой коротали время в неотапливаемом вокзале Луховиц.

В летние вечера подходил к делавшим остановку воинским составам. Из товарных вагонов бойцы давали нам, мальчишкам, свои письма, чтобы мы опустили их в почтовый ящик.

В феврале 1942 года въезд в Москву для граждан без служебных целей был временно прекращен, и нам пришлось от станции Пески до Воскресенска прошагать 15 километров по шпалам в пургу. Мы, следуя за впереди идущим народом, продвигались между рельсами, когда нам навстречу по соседнему пути промчался почему-то весь красный паровоз.

Метров через триста лежали сбитые и раздавленные люди.

В Воскресенске, учитывая пережитое на железной дороге, женщин с детьми посадили в воинский эшелон. Вагон освещался двумя тусклыми электролампочками.

В марте, когда наши войска уже отогнали немецких захватчиков от стен столицы, тётю Таисию с обувной фабрики послали на трудо-

вой фронт, в район железнодорожной станции Узловая, где копались оборонительные рубежи. Через месяц опухшая, с отеками глазами тётя вернулась домой. Она с детства страдала пороком сердца.

В начале апреля 1942 года мама со знакомыми женщинами ходила по окрестным деревням для обмена личных пожитков, таких как ситец, чулки, калоши, юбки и тому подобных вещей на крупу, мед, картошку и свинину. Летом женщины, как теперь сказали бы — «челноки», группами курсировали в Серебряные Пруды, закупая там рожь или пшеницу, и на себе доставляли до сорока килограммов зерна в Зарайск для его перепродажи в базарный день. Расстояние в 65 километров в оба конца барышницы, чаще всего босиком, преодолевали с утра до вечера.

При появлении дома пшеницы меня сажали за самодельную мельницу, взятую напрокат, и я, вращая белокаменный дисковый жернов, молот зерно. В семье наступала Масленица.

К маю 1942 года тётя Таисия оправилась от болезни и начала трудиться в пищегаготовительной конторе, работницы которой собирали в лесах ягоды, грибы, засаливали капусту, огурцы, варили из свеклы патоку. Однажды она грузила в вагоны картофель и припрятала в ямке между шпалами небольшой мешочек с ним, но унести его с собой ей не удалось. Придя домой после окончания вечерней смены, тётя разбудила меня и повела к железнодорожной станции откапывать клад. Мешочек картошки весом не более трёх килограммов я принес домой на ул. Коммунаров под пальто, привязав верёвочкой к талии. Клубни пригодились для их посадки на выделенном нам участке земли за городом. Так проходила моя первая сельскохозяйственная практика. Мама шутливо меня похваливала: «Сынок, у тебя прибавилось силенки и терпения!»

Под осень мы с мамой и тётя Маша Трундаева со своими двумя сыновьями отправились в лес за хворостом. На обратном пути в овраге, где женщины в красных косынках добывали торф, над нами показался немецкий самолёт; с него застрочил пулемёт. Мама крикнула: «Прячьтесь в промоину». С тропинки все прыгнули в углубление на подъеме из оврага и там присели, накрывшись вязанками сухих веток. Самолёт развернулся и обстрелял работниц у «стогов» из торфяных брикетов. В городе потом говорили, что две женщины получили ранения.

В октябре с тётей Таисией и мамой я присутствовал на проводах на фронт кобыльского паренька очень низенького роста. Мы при-

Весть о его добровольном уходе на фронт разнеслась еще рано утром. Он как бы дал пример другим. Добровольцев пришли провожать в основном женщины, дети, старики. Они теперь остаются одни в громадном селении. Слезы с дождем делали их лица чистыми и одухотворенными. Перебивая друг друга, желали быстрого возвращения, протягивали узелки в дорогу — все от чистого сердца...

Прощаясь с людьми, Шуаиб испытывал огромное чувство уважения и любви к ним. Он благодарил всех, говорил бодро, успокаивал, вселял надежду на победу и возвращение всех мужчин в родной Берикей...

И долго еще бежали дети за машиной.

Удаляясь, уменьшалось и вскоре совсем исчезло из виду родное селение. Укрытые бурками добровольцы, крепко держались друг друга, плечо к плечу.

Война! Она сама расставила точки в судьбах наших добровольцев, разбросав их по всему фронту. Но Шуаиб с Эмином это не коснулось — они были вместе.

Шли ожесточенные бои. Гитлеровцы рвались к Грозненскому нефтяному району. 19 ноября 1942 г. советские войска правого крыла Закавказского фронта под командованием генерала И. В. Тюленева нанесли первые удары на Моздокском и Нальчикском направлениях. Вот здесь-то наши герои и приняли первое боевое крещение...

Оборонительные бои кончились — началось контрнаступление. Вражеские войска отступали с Кавказа. В силу вошел лозунг всей нашей Армии — «Ни шагу назад!» Вскоре советские воины-альпинисты сбросили с Эльбруса ненавистный флаг со свастикой. Окружение огромной вражеской группировки в Сталинграде грозило и немецким войскам на Кавказе.

... В январе 1943 г. в районе Майкопа, в жестоком бою Шуаиб, прикрывая Эмина своим телом, получил смертельное ранение в голову...

Светлая память всем погибшим в борьбе с фашизмом!

Спасибо за то, что они приблизили Победу мирной жизни!

гиле, где покоится прах М. А. Пилихина, обучавшего скорняжному ремеслу своего родного юного племянника, будущего великого полководца Г. К. Жукова.

В Гражданскую войну многие деревенские семьи лежали в тифу. К ним семилетней девочкой моя мама приносила воду из колодца, за что ее называли Золотой Клюковкой. В школе она училась всего два месяца, так как учитель, получив аванс натурой, скрылся из деревни. В двенадцатилетнем возрасте маму отвезли в Москву работать нянькой. В девичестве, как впрочем, и после Великой Отечественной войны, мама подрабатывала стиркой белья в обеспеченных семьях всякого рода начальников, и в кремлёвских казармах у Троицкой башни Московского Кремля. Бабушка осталась совсем неграмотной. За месяц до смерти она слегла. 7 ноября 1942 года, накануне своей кончины, она попросила дочерей налить ей полстакана водки. Выпив, бабушка сказала: «Девки, а зря я никогда не пила. Мне стало так хорошо!» Могилу на зарайском кладбище копал 15-летний Виктор Гутаренко при помощи лома и топора.

В конце марта 1943 года, когда солнышко плавало снег и сосульки, мы с тётёй Таисией навестили семью, в которую привезли родственницу из блокадного Ленинграда. Женщина лет сорока, совершенно седая, с прямой причёской, схваченной гребёнкой, бледная и очень худенькая, при нас ела чайной ложкой манную кашу, приготовленную на молоке. Соседки из ближайших домов приносили для неё что могли. Кормили её понемногу, чтобы не произошло заворота кишок. Одна молодая мамаша предлагала ослабленную голодом поить грудным молоком, которого у нее было слишком много.

Из-за того, что между родителями прервалась супружеская связь, мама перевезла меня в Москву охранять нашу комнату. Она, как и все простые смертные в эвакуации, получила право на восстановление прописки в столице только осенью 1944 года. Так что, 1-го сентября 1943 года, поступив в первый класс, я стал москвичом на законном основании. Проблемы с получением продовольственной карточки на меня у отца не возникло, поскольку я был вписан в его паспорт. Учиться я начал в 220-й школе на Нижней Масловке.

Можно сказать, я жил самостоятельно. Отец навещал меня раза два в неделю. Я умудрялся добывать дрова и печь на керосинке блины без масла. Ежедневно выкупал свои 400 граммов хлеба и часть его пускал на бутерброды с американским лярдом, отдаленно похожим на сливочное масло. Часто я обедал на фабрике-кухне по специальным талонам, получаемым от отца. У него в подвале штаба

МПВО завода я изредка ночевал. В том подвале под заводоуправлением днем и ночью обитали двое молодых мужчин в штатских костюмах. От нечего делать они без конца гоняли бильярдные шары. При мне один говорил другому: «А я закончил два класса и третий коридор». В бильярд играли и заместители директора, но также редко, как смотрели привозимые киноленты. При нас с мамой в марте 1942 г. фильм «Музыкальная история» прервался с авианалетом и зрителям пришлось спуститься в бомбоубежище. В нем имелись кровати с тумбочками, которыми пользовались и лётчики, получавшие на заводе боевые самолеты для переправки их на фронт.

У большинства заводских рабочих имелась так называемая «бронь», то есть освобождение от призыва на фронт. И всё же кое-кто из них не по собственной воле одевался в военную форму. А случалось это так: работяга из цеха в обеденный перерыв выскакивал съесть по спецталону первое, второе и третье на фабрике-кухне. Подкрепившись, он шёл к заводской проходной. И вдруг у него под носом тормозил автомобиль, прозванный «воронком», и из него выходили патрули для проверки документов. Производственный пропуск в расчёт не принимался... И, глядишь, пяток трудящихся задерживался для выяснения их личности.

Такие сцены мне доводилось видеть и у Ямских бань близ улицы Правды. И военным заводам, и Военным комиссариатам требовалось делать всё для фронта и для Победы.

Помогало мне выжить в 9 лет и то, что напротив нашего дома находился госпиталь. Раненые поручали мне продавать на рынке сельёдку, сахар и папиросы, чтобы на вырученные деньги купить выпивку. Постепенно у меня появился капитал от продажи папирос «по рублю штука, а на пятёрку кучка». Деньжонки мне очень пригодились после того, как в моей руке разорвалась наполненная спичечной серой медная трубка с гвоздём на резинке. Между большим и указательным пальцами обуглилась рваная рана. На следующий день учительница Елена Константиновна Тимофеева повела меня в поликлинику у Бутырского рынка, где женщина-хирург выписала рецепт на 12 таблеток пенициллина. При этом она назвала их стоимость и просила принести ей половину купленных в аптеке таблеток.... У моей учительницы при словах врача, что это будет стоить три тысячи рублей, расширились глаза. Я же мгновенно выпалил: «У меня есть деньги!» Полдюжины таблеток пенициллина я толоч в порошок и посыпал рану. Шрам виден и сейчас. Учился я всему, если так можно сказать, на слух. И за весь первый класс не научился толком читать. Уроки дома не готовил. За партой шалил и не проявлял

должного прилежания. Один раз учительница отобрала у меня портфель и велела привести мать или отца в школу. На другой день я пришёл в класс с противогазной сумкой, положив в неё новые тетрадки и «Историю гражданской войны в СССР». Других книг в доме не нашлось. Елена Константиновна, узнав, когда будет дома мой отец (ему я не собирался докладывать о своем поведении, ибо знал, как он шпандырем улучшает кровообращение от пятой точки до головы), сама пришла к нам в подъезд и поговорила с соседкой с другого этажа.

Заботливая первая наша учительница поручила мне разносить больным ученикам нашего класса, выдаваемые нам в школе бублики и конфеты или кусочки сахара.

Весной 1944 года в нашей школе для мальчиков, в кабинете директрисы Зинаиды Васильевны, стала жить фронтовичка лет пятнадцати, награжденная медалью «За боевые заслуги». В гимнастёрке с широким кожаным ремнём и в хромовых сапогах, она привлекала наше внимание и тем, что хорошо пела на школьных концертах. Поющую барышню Зинаида Васильевна готовила для поступления в среднюю школу.

Для того, чтобы я за лето научился хорошо читать, Елена Константиновна дала мне книжку Льва Толстого «Три медведя» и предупредила, что если я её не прочту, она оставит меня на второй год в первом классе. Моему соседу по парте Вальке Виничкову, который сильно заикался, летом пришлось читать рассказ «Лев и комар» для улучшения речи. Придя во второй класс, я знал трёх медведей наизусть. Как у меня, так и у Вальки книжки заметно потрепались, и Валька обернул их газетой. Первым для чтения вслух летнего задания Елена Константиновна вызвала к своему столу меня. Стоя перед классом, я с ужасом обнаружил, что взял не свою книжку... Отступить было некуда, и я «читал»: «Жила была девочка Маша...» и так далее. Елена Константиновна сказала: «Молодец, Толя!» — и выразила надежду на то, что я во втором классе полюблю чтение. Увы, я это сделал к сорока годам. Наступила очередь Виничкова. Он пошёл между партами по другому ряду, и мне обменяться с ним книжками не удалось. Валька, заикаясь, читал: «Т-т-три меммедведя». «А у меня, — заметил он, — был «Лев и Мар». Класс разразился громким хохотом.

Валька жил с дедушкой и бабушкой. Он уверял меня, что его отец изобрёл печки для выработки газа из дров для приведения ав-

томобильного мотора в работу. Трёхтонки с двумя такими печками у кабины и чурбачки в кузове в войну ходили по Москве. Изобретателя посадили...

Окончив первый класс, я самостоятельно из Москвы без билета приехал в Зарайск. В то лето ученики зарайских начальных школ для городского госпиталя в обязательном порядке поставляли 20 килограммов крапивы или лебеды, используемых поварами при приготовлении щей и салатов.

Из событий конца лета 1944 года запомнился прогон немецких военнопленных с полотна Белорусской железной дороги к ипподрому. Выйдя из товарных вагонов, немцы построились и в сопровождении советских солдат охраны медленно пошли на мост над путями, а с него проследовали на брусчатку Беговой улицы, на которой шагавшие во главе колонны, окропленные одеколоном, импозантные генералы снимали с пальцев перстни и с усмешкой бросали их «на шарап» женщинам, взиравшим на них с тротуара у семиэтажного углового дома. Кинохроника сохранила для истории шествие этих немецких военнопленных к Садовому кольцу по окончании их, кажется, двухнедельного карантина на столичном ипподроме под открытым небом.

Во втором классе у нас появились новые ученики, приехавшие в Москву из эвакуации. Среди них был ершистый с хрипатым голосом ставший поэтом Гаррик Губерман и Володя Люлька, его отец создатель турбореактивных двигателей.

К празднику 7 ноября в школе безотцовщине выдавали талоны для приобретения хлопчатобумажных костюмов и ботинок, в том числе на деревянных подметках. Мне же достался талон для получения обедов в столовой жилого дома Наркомата Внутренних дел на улице 5-го Ямского поля. Здание, построенное в 1938 году, имело коридорную систему на всех шести этажах. Мои одноклассники, Женя Бражников, Владик Банков и другие ребята, чьи отцы были музыкантами, преподавателями, врачами и офицерами пограничных войск, жили в этом доме в комнатах без удобств. На всех этажах были общие туалеты с умывальниками в концах коридоров и одна кухня с шестью газовыми плитами на 50 семей. Как правило на кухнях женщины, стирая бельё или готовя пищу, никогда не разговаривали друг с другом... Служащие НКВД и члены их семей умели держать язык за зубами.

В упомянутом мной госпитале, развернутом в средней школе № 601, ранним утром 9 мая 1945 года раненые бойцы ликовали. Нас разбудили громкие возгласы: «Победа! Ура-а!» На радостях победители били стёкла в окнах палат. Часам к десяти они появились на за-

литом солнечным светом дворе, многие из них оживлённо говорили между собой.

У садика на носилках лежали вынесенные из палат лежащие больные. Один шустрый калека без двух ног долго салютовал водой из шланга. Под вечер заморосил дождик и похолодало. На лишённых стёкол оконных рамах здания появились простыни и подушки. Из палат слышались нервные возгласы, брань и проклятия. Госпиталь работал до конца 1947 года.

Москва, 17 ноября 2002 г.

Об авторе. Анатолий Афанасьевич Пилихин, 1934 г. р. Двоюродный племянник Маршала Г. К. Жукова, посвятил ему ряд статей и стихов. Печатался в газетах, журналах и коллективных сборниках.